

Кантерев Н. Ф. [Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович:] Хлопоты московского правительства о восстановлении Паисия Александрийского и Макария Антиохийского на их патриарших кафедрах и о разрешении от запрещения Паисия Лигарида // Богословский вестник 1911. Т. 3. № 10. С. 209–232 (2-я пагин.). (Продолжение.)

Хлопоты московскаго правительства о восстановленіи Паисія александрійскаго и Макарія антиохійскаго на ихъ патріаршихъ кафедрахъ и о разрѣшеніи отъ за- прещенія Паисія Лигарида.

Александрійскій патріархъ Паисій, отправившійся изъ Москвы 4 іюня 1669 года, до своего отъѣзда изъ Москвы подалъ государю челобитную, въ которой заявлялъ: „какъ де онъ, по изволенію царскаго величества, поѣхалъ къ его царскому величеству къ Москвѣ, послѣ де ево учиненъ на ево престолѣ патріархомъ Іоакимъ патріархъ, и той де Іоакимъ патріархъ престолъ-де ево въ крѣпости заложилъ турецкому султану въ 15000 ефимковъ. А великаго государя послы, Аванасей Нестеровъ и дьякъ, царегородскаго патріарха граматы къ нему, александрійскому патріарху, не взяли, чтобъ ему тѣхъ долговъ не платить, а платить бы тѣ долги Іоакиму патріарху, и чтобъ царское величество изволилъ послать къ царегородскому наскоро нарочнаго человѣка, чтобъ у царегородскаго къ нему, александрійскому, была взята грамота, чтобъ ему тѣхъ долговъ не платить, а платить тѣ долги Іоакиму патріарху“. Эта просьба патріарха Паисія была исполнена государемъ, по приказу котораго константинопольскіе наши послы выхлопотали у султана фирманъ, чтобы всѣ долги патріаршаго александрійскаго престола платить не Паисію, а бывшему Іоакиму патріарху. Уѣзжая изъ Москвы патріархъ Паисій проситъ государя дать жалованную грамоту александрійскому патріаршему престолу: приходитъ въ Москву чрезъ три года за милостынею ради великихъ обидъ и насилій отъ нечестивыхъ агарянъ. Еще проситъ патріархъ, чтобы выданы были жалованныя граматы египетскимъ монастырямъ: великомученика

Георгія въ Каирѣ и преп. Саввы въ Александріи, дабы они благонадежно могли прибѣгать къ неизреченной милости царской, ибо они имѣютъ многіе налоги и нужды отъ нечестивыхъ, а всѣ живущіе тамъ отцы будутъ молить Бога о здравіи царя. Эти ходатайства Паисія были исполнены государемъ. Паисію дана была жалованная грамота съ правомъ присылать отъ его престола въ Москву чрезъ каждые три года за милостынею, причѣмъ грамота выдана была съ золотую печатью, на которую ассигновывалось сто рублей. Двумъ патріаршимъ монастырямъ даны были жалованныя грамоты съ правомъ пріѣзжать въ Москву за милостынею чрезъ шесть лѣтъ. Патріархъ просилъ посмотреть эти грамоты и ходатайствовалъ, чтобы въ нихъ было обозначено, сколько именно будетъ выдаваться милостыни посланнымъ и чтобы имъ дано было право являться въ Москву за милостынею не чрезъ шесть, а чрезъ три года. Эти ходатайства патріарха были удовлетворены.—При своемъ возвращеніи изъ Москвы, изъ Карачева, отъ 4-го августа, патріархъ Паисій просить государя дать патріаршему посланному Леонтію побольше милостыни, такъ какъ Леонтій, ради патріаршихъ дѣлъ, издержался на 300 рублей, а ему данъ только одинъ сорокъ соболей, себѣ же патріархъ просить государя прислать три пуда рыбаго зуба, а общему работнику—греческому иверскому архимандриту Діонисію выслать царское жалованье и, затѣмъ, еще просить: освободить отъ пражеза бѣдныхъ заключенныхъ въ посольскомъ приказѣ грековъ и отпустить ихъ къ нему, патріарху, въ Кіевъ. 9-го сентября Паисій въ письмѣ благодарить государя за присланное ему царское жалованье—соболи и рыбаго зубъ (слоновая кость) и пишетъ еще, что бояринъ и воевода П. В. Шереметьевъ взялъ взаймы, подъ свою росписку, на государево дѣло, 160 рублей у Кіевского мѣщанина Фодора Титова, котораго убили татары, и послѣ него осталась жена въ крайней бѣдности, почему патріархъ и просить, чтобы ей возвратили деньги изъ государевой казны въ Кіевъ ¹⁾

Патріархъ Паисій благополучно прибылъ въ Александрію и занялъ здѣсь, согласно фирману султана, свой патріаршій престоль. Но скоро здѣсь, по какимъ-то коммерческимъ

¹⁾ Греческія дѣла 7177 г. №№ 27, 28, 29

сдѣлкамъ, надъ нимъ стряслась большая бѣда. Самъ патріархъ Паисій, въ особой граматѣ государю, сообщаетъ объ этомъ, что, по повелѣнію султана, „привезенъ есмь, узами желѣзными обвязанъ, въ Адрианополь, по подобію Павла апостола, по оклеветанію безбожнаго Архипа, еже нынѣ дьяволомъ пребываетъ, отрекся бо нашей непорочной вѣры, (и привезены, да будемъ судитися съ нимъ предъ праведнымъ судомъ великаго нашего царя)—о которомъ ото многихъ слышало святое царство твое, а наипаче отъ Мануила, яко онъ беззаконный глаголетъ и ищетъ 70,000 золотыхъ и многихъ драгихъ заповъ, которымъ вещемъ мы не виноваты есмь, и не видали и не слышали. И держатъ нынѣ насъ въ великомъ береженіи, обаче прежде пришествія нашего вседержитель Богъ и высокоуміе величайшаго нашего царя и мудрость и правосудіе вельможнаго визиря сотворили ему праведное отмщеніе: и ради нѣкакой скверной вины посаженъ на каторгу. По пришествіи же нашемъ мудрѣйшій визирь глаголаше намъ, яко аще онъ, лукавый, не придетъ, предстояти тебѣ на судѣ невозможно. И абіе послалъ привести (Архипа), судитися съ нимъ намъ, невиноватымъ. О горе, кто не будетъ плакать о насъ! О горе, кто слыша, кто да не будетъ дивитися о такой неправедной на насъ клеветѣ, еже сотвориша лукавый чловѣкъ! Елико страдалъ, державнѣйшій царю, азъ отецъ твой и стражду, кто иной претерпѣлъ,—и старые святые не терпѣша! Писати по единомъ нѣсть ми времени и смѣю глаголати яко второй Павелъ и второй Іевъ,—ей, ей, клянуся царствію твоему, яко не лгу“. Затѣмъ Паисій извѣщаетъ государя, что такъ какъ онъ былъ арестованъ и ничего не имѣлъ при себѣ, а между тѣмъ расходы для него и всякія траты были необходимы, до онъ и далъ на себя кабалу греку Ивану Репетѣ въ 1500 талеровъ. Теперь этотъ грекъ отправился съ кабалою къ Москву и потому патріархъ проситъ государя „распростерть милосердія своего руку и сіи деньги дати (Ивану). Ащежъ, пишетъ патріархъ, являемся тяжкіи, но обаче гдѣ къ иному прибѣгати въ сей неправедной клеветѣ, но къ твоей великой милости, еже жаловалъ насъ ты, великій государь. Богъ вѣдаетъ: все отдали и свободили отъ долгу престоль нашъ и пребываемъ нынѣ обнажены и безъ насыщенія хлѣба“ ¹⁾).

1) Эта грамота патріарха Паисія напечатана въ приложеніи.

Жаловался на свою скудость, на тѣ великіе протори и убытки, какіе онъ терпитъ на возвратномъ пути изъ Москвы, и антиохійскій патріархъ Макарій и потому снова проситъ государя помочь ему. Еще изъ Нижняго Новгорода Макарій писалъ царю, что отъ него къ нему, Макарію, было жалованное слово великаго государя о дарованіи мѣстныхъ иконъ, но никакого извѣстія о нихъ онъ доселѣ не получилъ, о чемъ сильно печалится. Отъ 24 февраля 1669 года Макарій писалъ государю съ Кавказа: „пребываю въ Пверской землѣ, ожидая отъ вашего царскаго величества салтановой грамоты. и за тѣмъ ожиданіемъ во многихъ проторяхъ живу, понеже мнѣ невозможно къ своему престолу безъ салтановой грамоты ѣхать, и сего ради молю ваше царское величество, чтобы вы, великій государь, меня, богомольца своего, пожаловалъ: велѣлъ салтанову грамоту прислать ко мнѣ вскорѣ“. Затѣмъ патріархъ молитъ государя о нѣкоемъ турчанинѣ, который былъ въ Москвѣ и далъ ему, патріарху, заемную кабалу на Мидославскаго, каковую кабалу патріархъ передалъ ему, государю, и получилъ тогда завѣреніе, что деньги по этой кабалѣ будутъ уплачены. Теперь турчанинъ требуетъ отъ патріарха или деньги или кабалу, почему патріархъ и проситъ государя послать тѣ деньги турчанину, въ противномъ случаѣ, увѣряетъ патріархъ, мнѣ недоѣхать до своего престола. Въ то же время патріархъ прислалъ особое письмо къ боярину Матвѣеву, въ которомъ писалъ, что только одинъ Господь Богъ вѣдаетъ сколько скорбей онъ имѣлъ и сейчасъ имѣетъ, и что его въ скорбяхъ нѣсколько утѣшила милостыня, присланная государемъ и султанская грамота о безпрепятственномъ возвращеніи его на свой патріаршій престолъ. Сообщаетъ, что до него дошли вѣсти о смерти царицы Маріи Ильиничны, о чемъ онъ много скорбѣлъ, началъ творить по ней сорокадневную службу. Затѣмъ патріархъ пишетъ Матвѣеву: „сынъ мой благословенный! Прошу пречестность твою. да помянешь самодержавному царю, чтобы меня, богомольца вашего, не забылъ, но какъ миловалъ нашего брата, александрійскаго, да помилуетъ и насъ: хотя часть невеликую милостыни, какъ ему Богъ повелитъ, для душевнаго спасенія царицы, ибо престолъ нашъ весьма убогъ“. Патріархъ жалуется далѣе, что тамъ, гдѣ они теперь находятся т. е. въ Пверской землѣ, онъ

терпитъ великіе убытки. Въ Шемахъ пришлось одарять великими дарами хана, его сына и ханскихъ бояръ. Патріархъ хотѣлъ было продать „за добрую цѣну“ соболи, пожалованные государемъ, но ханъ отобралъ отъ него соболи и, позвавъ къ себѣ торговыхъ людей, велѣлъ имъ оцѣнить соболи, какъ хотѣлось хану и оцѣнщики, согласно желанію хана, оцѣнили соболи на 3000 менѣе, нежели ихъ цѣнили въ Москвѣ. Но и по этой малой оцѣнкѣ ханъ не далъ денегъ патріарху, а велѣлъ ему готовиться ѣхать къ самому шаху. А я, пишетъ патріархъ, устранившись того, чтобы не было услышано мое имя у турскаго султана,—что я хожу съ царства на царство и чтобы турки не сказали, что антиохійскій патріархъ былъ у московскаго царя, а нынѣ царь съ Москвы послалъ его къ шаху и совѣтуетъ съ нимъ, чтобы крѣпость учинить и возстать на турокъ,—по сей боязни я продалъ тѣ соболи по той цѣнѣ“, но денегъ пока не получилъ „и имѣю убытковъ отъ соболей и отъ вещей болѣе нежели на 10,000“. Всякій день приходятъ посланники отъ престола моего и намѣстники пишутъ, отъ чего такъ долго не прихожу, а я о томъ думаю, что отъ долговъ престола моего стало росту—свыше головы. Я же не имѣю иного предстателя, какъ вашу пресвѣтлость, а потому молю, какъ и прежде не оставляли, такъ и нынѣ молю, ради многолѣтнаго вашего здравія и памяти твоихъ родителей, когда обрящешь въ добрый часъ державнаго миролюбца, напоминай обо всемъ и извѣсти, ибо и прежде писалъ я, но отвѣта не было“. Государь послалъ патріарху Макарію грамоту, въ которой, между прочимъ, извѣщаетъ его о кончинѣ царицы и проситъ молиться за нея. Получивъ эту грамоту Макарій пишетъ царю: „со многою надеждою молю великаго твоего царствія, какъ пожаловалъ еси брата нашего, святѣйшаго александрійскаго патріарха о душевномъ спасеніи царицы, тако и насъ не презри, богомольцовъ своихъ, но помилуй насъ бѣдныхъ, яко пострадали есмы въ великихъ убыткахъ во странахъ персидскихъ,—такъ прошу великаго твоего царствія, да учиниши милость для блаженные памяти души благовѣрные царицы и для душевнаго спасенія родителей своихъ“¹⁾.

¹⁾ Греческія дѣла 7177 г № 21 7178 г № 47

Но назойливыя выпрашиванія патріарха Макарія все новой и новой милости у государя этимъ не кончились. 20-го мая 1671 года прибылъ чрезъ Кіевъ въ Москву посланный патріарха Макарія митрополитъ Тира и Сидона Нектарій. Кіевскіе воеводы не хотѣли было пропускать его въ Москву, такъ какъ по царской жалованной граматѣ въ Москву за милостынею долженъ былъ пріѣзжать отъ патріарха архимандритъ, а не митрополитъ, да къ тому же онъ и пріѣхалъ не въ тотъ срокъ, какой назначенъ въ граматѣ. Тогда митрополитъ Нектарій заявилъ, что онъ ѣдетъ по царскому дѣлу, почему его и пропустили въ Москву. Но въ Москвѣ Нектарій показалъ, что никакимъ государевыхъ дѣлъ съ нимъ нѣтъ, а сказалъ такъ Кіевскимъ воеводамъ потому, что не зналъ русскихъ обычаевъ и что прошло уже 10 мѣсяцевъ, какъ его отпустилъ отъ себя патріархъ. Съ митрополитомъ Нектаріемъ патріархъ Макарій прислалъ государю грамоту, въ которой извѣщаль, что дорогою при своемъ возвращеніи изъ Москвы, онъ потерялъ все, что получилъ въ Москвѣ отъ государя. Въ городѣ Шемахѣ „взяли у насъ всѣ соборы половиною цѣною, и вмѣсто денегъ давали шелкъ по двойной цѣнѣ, и изъ сего шелку держали цѣлый годъ въ грузинской землѣ, и все тамъ утратили, что было милости царской. А какъ пріѣхалъ въ турецкую землю, поймалъ насъ паша и мытникъ и взялъ въ городѣ Арзрумѣ 2000 ефимковъ, кромѣ того, что роздали начальникамъ и судьямъ, такъ что пока доѣхалъ къ престолу своему въ Дамаскъ, задолжалъ 7000 ефимковъ“. Въ отвѣтъ на эту патріаршую грамоту, государь писалъ Макарію, выписавъ сначала все содержаніе его грамоты: „мы, великій государь, наше царское величество, о такомъ вашего блаженства бѣдствѣ и убыткахъ не помалу поскорбѣли. При семъ буди зже вѣдомо вашему блаженству о государствахъ нашего царскаго величества, понеже и мы, великій государь, наше царское величество, безчисленное нашего царскаго величества жалованье роздали нашимъ царскаго величества великимъ войскамъ, также и на искупленіе плѣнныхъ. Однакожь мы, великій государь, наше царское величество, съ христіянскаго нашего государскаго милосердія, послали къ вашему блаженству нашей царскаго величества милостыни

триста золотыхъ червонныхъ, да соборей на семьсотъ рублевъ съ тѣмъ вышепомянутымъ митрополитомъ“¹⁾.

Понятно, что указанныя довольно безцеремонныя требованія двухъ бывшихъ въ Москвѣ восточныхъ патріарховъ, чтобы царь постоянно заботился объ ихъ матеріальномъ благополучіи и процвѣтаніи и послѣ того, какъ они оставили Москву и вывезли изъ нея огромныя суммы, чтобы царь присылалъ имъ богатую милостыню и на будущее время, такъ какъ они будто бы потеряли все, что въ Москвѣ получили отъ царя и потому живутъ теперь въ бѣдности и всякой скудости, необходимо производило на московское правительство очень тяжелое и непріятное впечатлѣніе. Оно не могло не понять, что служить предметомъ самой беззастѣнчивой эксплуатаціи со стороны бывшихъ въ Москвѣ восточныхъ патріарховъ, которые въ отношеніи къ московскому правительству руководствуются чисто интересами наживы, только о томъ и заботятся, какъ бы еще и еще побольше получить отъ него. Даже тишайшій и благочестивѣйшій Алексѣй Михайловичъ не удержался отъ того, чтобы въ своей отвѣтной граматѣ не замѣтить своему богомольцу, антиохійскому патріарху Макарію, что его требованія отъ царя новыхъ денежныхъ дачъ чрезмѣрны и не вполне деликатны, такъ какъ царская казна предназначена вовсе не на удовлетвореніе только безмѣрныхъ патріаршихъ требованій о дачѣ денегъ, но и на разныя государственныя нужды.

Кромѣ двухъ восточныхъ патріарховъ самую дѣятельную роль на соборѣ 1667 года, и особенно въ осужденіи Никона, сыгралъ газскій митрополитъ Паисій Лигаридъ, сдѣлавшійся заклятымъ врагомъ Никона и всячески добивавшійся его конечнаго низверженія. Съ своей стороны и Никонъ не оставался въ долгу, а всюду и постоянно заявлялъ, что Лигаридъ не настоящій архіерей, а запрещенный, что онъ папистъ и что онъ не имѣетъ никакого права вмѣшиваться въ русскія церковныя дѣла, играть въ нихъ активную руководящую роль, такъ какъ слѣдствія такого положенія дѣлъ для русской церкви были самыя губительныя. Въ граматѣ къ константинопольскому патріарху Діонисію Никонъ пишетъ: „и повелѣ (царь) совѣтомъ своимъ быть собору, и на соборѣ

¹⁾ Греческія дѣла 1179 г № 25

повелѣ быти предсѣдателемъ газскому митрополиту Паисію Лигариду. И въ томъ соборѣ совѣтоваша и сотвориша Крутицкаго митрополита Питирима, благословеніемъ газскаго митрополита Паисія Лигарида, въ Новѣградѣ, въ первую митрополию россійскую, поправше божественный законъ, якоже вѣсте и пресвятость ваша, яко отъ мѣста на мѣсто да не премѣняется архіерей. И ему и первая епархія съ нуждею достиже. И на мѣсто его поставиша Павла, архимандрита чудовскаго, митрополитомъ, и иныхъ епископовъ ко инымъ епархіямъ многимъ. И отъ сего беззаконнаго собора преста на Руси соединеніе святыхъ восточныхъ церкви, и отъ благословенія вашего (отлучишася)¹⁾.

По поводу обвиненій Никономъ Лигарида наше правительство производило особое разслѣдованіе и нашло, что обвиненія Никона несправедливы и что Лигаридъ православенъ. Въ дѣяніяхъ о соборномъ судѣ надъ Никономъ говорится: „вселенскимъ патріархомъ Павелъ, митрополитъ сарскій и подонскій, поднесъ сыскное дѣло о газскомъ митрополитѣ Паисіи, что онъ православенъ. И святѣйшіе патріархи то дѣло у митрополита приняли“. Но Никонъ не отказался и на соборѣ отъ своихъ обвиненій противъ Лигарида. Когда восточные патріархи, въ виду заявленія Никона константинопольскому патріарху, Діонисію, что русская церковь, ради Лигарида, отлучилась отъ единенія съ православною восточною церковію, спросили Никона: „чѣмъ отъ соборныхъ церкви отлучились? Никонъ сказалъ: отлучились де отъ соборныхъ церкви и отъ благословенія святѣйшихъ вселенскихъ патріарховъ для того, что газскій митрополитъ Паисій Питирима митрополита перевелъ отъ митрополіи въ другую митрополию, а на его мѣсто поставилъ иного митрополита, да и иныхъ де архіереевъ отъ мѣста къ мѣсту переводилъ же, а ему де того дѣлать не довелось, потому что онъ отъ ерусалимскаго патріарха отлученъ и проклятъ. А хотябъ де онъ, газскій митрополитъ, и не еретикъ былъ, и ему де на Москвѣ долго быть не для чего, я де его за митрополита не ставлю, у него де и ставленные грамоты на свидѣтельство нѣтъ, и мужикъ де наложить на себя мантию, и онъ де та-

1) Зап. рус археол. общ II, 523—526

ковъ же митрополитъ. То де онъ писалъ все про него, газскаго митрополита, а не о православныхъ христiанехъ“.

Горячимъ защитникомъ Паисiя Лигарида на соборъ явился самъ царь Алексiй Михайловичъ. Онъ заявлялъ: „а газской де митрополитъ на Москвѣ у престола Господня принесъ клятву, что онъ живетъ истинно, и отецъ духовный, архангельскiй митрополитъ, въ томъ его свидѣтельствовавъ, и грамота у него поставленная есть и свидѣтелствована, а отлученiи ево отъ еросалимскаго патрiарха грамоты не бывало. А на соборъ предсѣдателемъ онъ, Паисiй, не бывалъ и намѣстникомъ отъ вселенскихъ патрiарховъ не назывался“. Къ этому государь еще прибавилъ: „а газскiй-де митрополитъ служилъ нынѣ за свидѣтельствомъ отца своего духовнаго до разсужденiя святѣйшихъ вселенскихъ патрiарховъ и всего собору“. Съ своей стороны и антiохiйскiй патрiархъ Макарiй заявилъ собору: что „газскiй митрополитъ водьяконы и въ попы ставленъ во Иеросалимѣ, а не въ Римѣ, про то де онъ, антiохiйскiй патрiархъ, вѣдаетъ подлинно“¹⁾.

Понятно само собою, что бывшiе въ Москвѣ восточные патрiархи, вмѣстѣ со всѣмъ соборомъ, признали Паисiя Лигарида вполне православнымъ человѣкомъ и настоящимъ законнымъ архiereемъ, почему Паисiй присутствовалъ на всѣхъ соборныхъ засѣданiяхъ, игралъ на нихъ очень видную активную роль и былъ допущенъ къ участию во всѣхъ церковныхъ богослуженiяхъ какъ истинный православный архiereй. Съ своей стороны Лигаридъ, увѣренный въ полномъ расположенiи къ нему царя, патрiарховъ и всѣхъ русскихъ архiereевъ, дѣйствовалъ и на соборѣ по прежнему: самоувѣренно, съ величайшимъ апломбомъ, какъ очень ученый, многознающiй и вполне авторитетный совѣтникъ и руководитель правительства въ церковныхъ дѣлахъ,—прежняго страха, какой онъ проявилъ было предъ прiѣздомъ въ Москву восточныхъ патрiарховъ, теперь какъ не бывало.

Но вотъ 29 iюля 1669 года въ Москвѣ получена была грамота iерусалимскаго патрiарха Нектарiя, въ которой онъ писалъ государю о Паисiѣ Лигаридѣ, что тотъ былъ отлученъ и проклятъ еще его предшественникомъ, патрiархомъ iерусалимскимъ Паисiемъ, о чемъ была послана вѣсть и але-

1) Гиб II, 1018—1019, 1052—1053, 1069.

ксандрійскому патріарху Паисію, потому что Лигаридъ въ то время служилъ въ волошской землѣ, гдѣ тогда находился и александрійскій патріархъ. Когда Нектарій сдѣлался патріархомъ, то Лигаридъ не явился къ нему, какъ бы слѣдовало, не представилъ своихъ грамотъ, а уѣхалъ сначала въ волошскую, а потомъ въ черкасскую землю, „и тамъ писалъ грамоты ложныя съ чѣмъ прійти къ тебѣ, великому государю, а что въ тѣхъ грамотахъ писалъ, мы того не вѣдаемъ, а кто тѣ грамоты ему въ черкасскихъ городѣхъ писалъ, тотъ нынѣ человекъ у насъ, а у него онъ былъ архимандритомъ, имя ему Леонтій“. Далѣе патріархъ Нектарій извѣщаетъ государя, что полученныя имъ отъ царя деньги на уплату епархіальныхъ долговъ Лигаридъ отослалъ съ своимъ племянникомъ на свою родину—островъ Хіосъ, а вовсе не въ епархію, которую онъ бросилъ уже четырнадцать лѣтъ тому назадъ. „Даемъ подлинную вѣдомость, пишетъ патріархъ Нектарій царю, что онъ (Лигаридъ) отнюдь ни митрополитъ, ни архіерей, ни учитель, ни владыка, ни пастырь, потому что онъ столько лѣтъ отсталъ и по правиламъ святыхъ отецъ есть онъ подлинно отставленъ и всякаго архіерейскаго чину лишенъ, только имянуецца Паисій“. Затѣмъ Нектарій указываетъ на то обстоятельство, что Лигаридъ „называется съ православными православнымъ“, а „латыни свидѣтельствуютъ и называютъ его своимъ, и папа римскій емлетъ отъ него на всякій годъ по двѣсти ефимковъ“ ¹⁾.

Это говоритъ уже не Никонъ, а самъ іерусалимскій патріархъ, непосредственный начальникъ Паисія Лигарида. Теперь личность Лигарида стала ясна: это былъ лишенный сана архіерей-авантюристъ, который явился въ Москву съ подложными грамотами и, выдавая здѣсь себя за дѣйствительнаго газскаго митрополита, выпрашивая у царя милостыню для бѣдствующей своей паствы, дерзко и нагло обманывалъ царя, какъ относительно своей личности, такъ и употребленія тѣхъ денегъ, которыя онъ получалъ отъ царя на покрытіе долговъ своей мнимой епархіи. Но и этого мало. Являясь въ Москвѣ въ роли строгаго ревнителя православія, уставовъ и положеній православной церкви, Паисій въ дѣй-

¹⁾ Греческія дѣла 7176 г. № 22.

ствительности сильно подозрѣвался въ Латинствѣ,—латынникомъ Паисія призналъ и его собственный іерусалимскій патріархъ, а затѣмъ и патріархъ константинопольскій. Крайне характерно и то обстоятельство, что александріискій патріархъ Паисій прекрасно зналъ, что такое былъ Лигаридъ, такъ какъ о немъ ранѣе сообщилъ ему іерусалимскій патріархъ Нектарій, и однако въ Москвѣ на соборѣ не сказали объ этомъ ни слова, а призналъ Лигарида, вмѣстѣ съ другими, настоящимъ и православнымъ архіереемъ. Конечно и антиохійскій патріархъ Макарій тоже хорошо зналъ, кто такое въ дѣйствительности былъ Паисій Лигаридъ, но это не помѣшало ему открыто выступить на московскомъ соборѣ защитникомъ Лигарида и признать его дѣйствительнымъ православнымъ архіереемъ. Вѣроятно это дѣло обошлось Паисію Лигариду очень и очень недешево.

Послѣ разоблаченій, сдѣланныхъ относительно Паисія Лигарида іерусалимскимъ патріархомъ Нектаріемъ, которыя показали русскимъ, какъ дерзко и нагло обманывалъ ихъ во всемъ Лигаридъ, позволительно было ожидать, что онъ за всѣ свои продѣлки будетъ отправленъ на Соловки подъ крѣпкій началъ. Но въ дѣйствительности этого не случилось. Русское правительство не могло рѣшиться открыто признать, что человекъ, отъ котораго исходили всѣ совѣты и указанія по веденію дѣла Никона и его противниковъ, на котораго доселѣ смотрѣли какъ на образованнѣйшаго и авторитетнаго представителя востока, въ мудрость и компетентность котораго всѣ вѣрили, котораго самъ царь, по словамъ Никона, слушалъ „какъ пророка Божія“,— что этотъ человекъ былъ лишенный сана архіерей, обманщикъ и латынникъ, искусно разыгрывавшій предъ простодушными русскими роль судьи въ ихъ церковныхъ дѣлахъ, роль ревнителя въ дѣйствительности чуждыхъ для него интересовъ православія. Съ другой стороны, ловкій и вкрадчивый Паисій, въ виду обличеній на него патріарха Нектарія, постарался выставить ихъ предъ царемъ дѣломъ, внушеннымъ патріарху многочисленными личными врагами Паисія, не хотѣвшими простить ему его дѣятельнаго участія въ дѣлѣ Никона и завидовавшими его близости къ царю. Какъ бы то ни было, но только грамота Нектарія нисколько не повредила Лигариду въ мнѣніи и расположеніи царя, напротивъ,

принесла ему даже несомнѣнную пользу. Царь Алексѣй Михайловичъ, благодарный Паисію Лигариду за его ревностную службу въ дѣлѣ Никона, питавшій къ нему, какъ къ очень умному, образованному и ловкому дѣльцу, искреннее расположеніе и видѣвшій въ его осужденіи какъ бы осужденіе всего, что было сдѣлано по совѣтамъ и указаніямъ Паисія,— рѣшился хлопотать предъ іерусалимскимъ патріархомъ о возстановленіи Лигарида въ его прежнемъ достоинствѣ газскаго митрополита. И онъ горячо взялся за это дѣло Граматою отъ 13 іюля 1669 года государь, извѣщая іерусалимскаго патріарха Нектарія о московскомъ соборѣ, осудившемъ Никона, въ то же время писалъ: „извѣщаю о митрополитѣ газскомъ Паисіѣ, котораго имѣемъ въ царскомъ нашемъ дворѣ, какъ великаго учителя и переводчика нашего, да возымѣетъ первую честь и славу, какъ и было, поелику нѣкоторые, радующіеся злу, отъ зависти злословили его предъ святительствомъ вашимъ и безчестили и извергли; тѣмъ весьма опечалились и мы, вѣдая незлобіе его и благодатство, ибо много потрудился и постился въ стравѣ нашей на соборѣ и о исправленіи Христовой церкви словомъ и дѣломъ. Но вмѣсто того, чтобы воспріять честь, воспріалъ безчестіе и срамоту, посему просимъ написать, чтобы онъ былъ принятъ съ прежнею честію, ибо намъ извѣстно житіе его и свидѣтельствуемъ его архіереемъ добрымъ и честнаго житія: а которые иноки его оглашали и предали, лжу сказали, ибо очи ушей вѣрнѣе. И такъ молимъ, да примется прошеніе наше, вѣдая, что ни учинилось, и то учинилось отъ зависти и ради дружбы съ человѣкомъ“¹⁾. Вмѣстѣ съ государемъ послалъ свою просительную грамоту о Лигаридѣ и московскій патріархъ Іоасафъ. Въ ней онъ пишетъ: „о всѣхъ писанныхъ къ намъ вами радуемся, точію едина печаль, аки дождь во время жатвы, ущербляетъ ведро веселія нашего: еже есть о запрещеніи и отлученіи отъ всякаго священнодѣйствія Паисія Лигаридія. О семъ—какъ и гдѣ прежде живяше, нѣсть намъ извѣстіе совершенно, но отнелѣже пришедша въ царствующій и богоспасаемый градъ Москву, познахомъ за девять лѣтъ и ничесоже видѣхомъ по немъ неистоно и безчинно, паче же премногія труды его премудрїи

1) Греческія дѣла 7177 г № 27

многую пользу церкви великороссійскоѣ принесоша, ихъ же мы благодарни суще, надежно молимъ братолюбіе ваше, да не презрѣвши прошеніе мѣрности нашей, даруеши ему оставленіе вины его, какая либо есть предъ святостію вашею, и благоволиши ему прислати писаніемъ своимъ архипастырскимъ прошеніе и благословеніе, занеже всяческое являетъ по себе смиреніе и благопокорство къ твоему блаженству, яко законному архипастырю своему, и молилъ есть со многократнымъ стужаніемъ благочестивѣйшаго самодержца о отпущеніи къ святительству твоему ради взысканія прошенія, якоже устнѣ предостовѣрный свидѣтель святѣйшій и всеблаженнѣйшій Паисій, патріархъ великаго града Александріи и судія вселенскій, о всѣхъ можетъ извѣстити. Но благочестивѣйшій, тишайшій, самодержавнѣйшій великій государь царь и великій князь Алексій Михайловичъ, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержецъ, благоволилъ его удержати благословныхъ ради винъ, сирѣчь, совершенія ради зачатаго толкованія нужнѣйшихъ нѣкихъ тайнописаній, и обѣщаль ему къ вашему святительству ходатаѣ быти о прошеніи. Тѣмъ же аще твое преблаженство, поминающе Христово слово: будите милосерди, якоже и Отецъ вашъ милосердъ есть, и ону молитву повсядневную: и остави памь долги наша, яко и мы оставляемъ должникомъ нашимъ,—сотвори съ нимъ, всячески смиренно твоему жезлу архипастырскому преклоняющимся, отеческое милосердіе и остави долгъ его, дарующе прощевіе и благословеніе; будетъ Отцу небесному благопріятно, царю благочестивѣйшему радостно, и нашей мѣрности благодарно, и всей церкви россійстей душеполезно. О семъ прилежное наше многократно усугубляюще прошеніе, да исполненну и совершенну нашу радость соверши, имамы не забывати блаженства вашего у престола царя небеснаго о милости, у земнаго же о милостыни, особствія ради“¹⁾).

Приведенныя грамоты государя и московскаго патріарха Іоасафа были получены уже не Нектаріемъ, который отказался отъ патріаршества, а его преемникомъ Досноеемъ, который вступилъ на патріаршую іерусалимскую кафедру 23 января 1669 года. 23 сентября 1669 года въ Москву прибылъ послан-

¹⁾ Рукопись москов синод. библ. № 130, т. л. 39—41.

ный Досиеемъ архимандритъ Прохоръ, съ которымъ Досиеей писалъ государю, что принялъ царскія грамоты „и прочитали о газскомъ митрополитѣ, чтобъ мы его простили, и что будто не имѣеть вины на себѣ; а онъ, Лигаридъ, имѣеть многія великія вины и согрѣшенія, которыя, написавъ, послалъ было къ тебѣ, великому государю, свидѣтельства ради: только стыдъ послать насъ не допустилъ, отчего и возвратили. Только единое говоримъ, что киръ Нектарій патріархъ не таковскій, чтобы писать или говорить ложно, но такой въ правилѣ, что нынѣ иной такой архіерей разумный и богобоязненный не будетъ“. Затѣмъ Досиеей сообщаетъ царю, что Паисій Лигаридъ писалъ такія „неподобныя, хульныя, непотребныя и превознесенныя слова“ о патріархѣ Нектаріи, что уже за одно это его слѣдуетъ лишить архіерейскаго достоинства. Но такъ какъ о прощеніи Лигарида молить царь, то онъ, патріархъ, согласенъ отпустить Лигариду его вины и возстановить его въ прежнемъ достоинствѣ газскаго митрополита.

Съ архимандритомъ Прохоромъ государь послалъ на искупленіе св. Гроба 800 рублей соболями, да на 300 рублей соболей „по челобитью газскаго митрополита Паисія, и въ то же время писалъ Досиею: „нынѣ посланное дарованіе благоговѣйнымъ любезнымъ сердцемъ изволишь принять, *имѣя впродъ добрую надежду иное и большее воспріять, когда сбудутся наши желанія о газскомъ митрополитѣ*, о коемъ молили уже черезъ два писанія, да приметъ миръ архіерейской и на прежнее будетъ возвращенъ достоинство, и разрѣшеніе совершенное получить оный митрополитъ, добре намъ заслуженный Паисій Лигаридій“. Затѣмъ оправдывая Лигарида и объясняя взведенныя на него обвиненія дѣломъ злобы его враговъ, царь снова проситъ патріарха прислать Лигариду полное разрѣшеніе „ибо онъ былъ весьма достойный посредникъ и ходатай между столь великими архіереями восточными, двумя свѣтильниками и двумя маслинами всего востока“, проситъ, чтобы и бывший патріархъ Нектарій (который передалъ свой престоль Досиею еще при своей жизни) „равно обвинительныя, какъ и добротныя словеса написалъ къ намъ о митрополитѣ Паисіѣ, ради совершеннаго и послѣдняго удовлетворенія нашего, ибо свидѣтельствуемъ, что Лигаридъ всегда ублажалъ Нектарія и первое

мѣсто премудрости между патріархами своего времени всегда держащимъ его исповѣдалъ“¹⁾.

Это вторичное ходатайство государя предъ іерусалимскимъ патріархомъ о разрѣшеніи Лигарида, подкрѣпленное притомъ крупною дачею, имѣло полный успѣхъ. 24 января 1670 года грекъ Родіонъ привезъ наконецъ въ Москву отъ патріарха Досіея разрѣшительную грамоту Лигариду, въ которой Досіея прощаетъ Паисія за всѣ его вины и согрѣшенія, „повелѣваетъ ему“ быть по прежнему въ архіерейскомъ достоинствѣ и чести „и дѣйствовать вся церковное.“ Но пославъ государю разрѣшительную грамоту для Лигарида, Досіея въ то же время самому Паисію послалъ особое письмо, въ которомъ, между прочимъ, писалъ слѣдующее: „еслибъ не было ходатайства святаго царева, увѣдалъ бы святительство твое, Лигаридій, что есть Девора и кто есть мертvoudушные? и кто только именемъ вѣруеть въ божественный промысль, тотъ ли, *кто работаетъ для папеей хійскихъ и оставилъ 15 лѣтъ паству безъ пастыря*, или кто полагаетъ душу свою за овцы? Да, увидѣлъ бы ты варвара и слѣпня. Однако на тебѣ кончаются езоповы басни, гдѣ говорится, какъ козель бранилъ волка съ высокаго мѣста, ибо ты не столько великъ, *сколько глупъ, безчеловѣченъ и безстыденъ*, только мѣсто, гдѣ пребываешь, есть дворъ царскій,—однако уцѣломудришь хотя отнынѣ впредь“²⁾.

Итакъ, Досіея, хотя и неохотно, съ бранью, и только послѣ двукратныхъ настойчивыхъ предложеній царя, подкрѣпленныхъ щедрою милостынею, рѣшился наконецъ разрѣшить Лигарида и возстановить его въ прежнее достоинствѣ газскаго митрополита. Такимъ исходомъ дѣла былъ доволенъ и царь за своего любимца и особенно самъ Паисій, который, казалось, вполне упрочилъ свое положеніе не только въ Москвѣ, но и на востокѣ, куда онъ собирался было ѣхать. Но радость царя и торжество Лигарида были очень непродолжительны. Мы не знаемъ по какимъ причинамъ, но только не прошло и двухъ мѣсяцевъ послѣ разрѣшенія Паисія, какъ онъ снова былъ запрещенъ, и царь снова хлопочеть о его разрѣшеніи. Объ этомъ грустномъ для царя

1) Греческія дѣла 7178 г. № 6 Зап. рус. археол. общ. II, 600.

2) Греческія дѣла 7178 г. № 27

и Паисія обстоятельствъ мы узнаемъ изъ грамоты Алексѣя Михайловича отъ 14 августа 1671 года къ волошскому воеводѣ Іоанну Дукѣ, которую царь послалъ по челобитію Лигарида. Въ этой грамотѣ Алексѣй Михайловичъ сообщаетъ воеводѣ, что Паисій Лигаридъ, разрѣшенный было по просьбѣ царя патріархомъ Досиѣемъ, чрезъ два мѣсяца, вслѣдствіе какихъ-то жалобъ на него, снова былъ запрещенъ, „чему мы, великій государь наше царское величество удивилися“, „о чемъ и архіереи государства нашего царскаго величества имѣютъ не мало жали (жалости)“ и, „понеже намъ, великому государю нашему царскому величеству, въ другорядъ къ святѣйшимъ патріархомъ притеци о прощеніи его, митрополитовѣ, не къ чести показася“, то онъ, государь, и проситъ теперь воеводу отъ себя poradѣть объ этомъ дѣлѣ предъ патріархами, „понеже ты, говоритъ царская грамота, вѣщую и частую имѣешь со блаженнѣйшими патріархами ссылку и дружбу“. Въ заключеніе государь выражаетъ увѣренность получить отъ воеводы скорый и пріятный отвѣтъ вмѣстѣ съ разрѣшеніемъ Лигарида, при чемъ за хлопоты обѣщаетъ отплатить воеводѣ „въ твоихъ дѣлахъ такими же мѣрами“ ¹⁾. Но увѣренность царя выхлопотать у патріарховъ чрезъ волошкаго воеводу разрѣшеніе для Паисія не оправдалась, Досиѣей никакъ не соглашался вторично дать Паисію разрѣшеніе и умеръ съ убѣжденіемъ, что Лигаридъ былъ латынникъ ²⁾.

1) Эта грамота государя къ воеводѣ Іоанну Дукѣ напечатана въ приложеніи къ моей книгѣ: Характеръ отношеній Россіи къ православному востоку въ XVI и XVII столѣтіяхъ, стр 31.

2) Этотъ свой взглядъ на Паисія Лигарида Досиѣей рѣшительно выразилъ въ своей „Исторіи патріарховъ іерусалимскихъ“ (которая кѣмъ-то переведена на русскій языкъ и этотъ рукописный переводъ, въ двухъ обширныхъ томахъ, находится въ нашей академической библіотекѣ), гдѣ онъ, перечисляя писателей грековъ съ 1580 года, говоритъ о Лигаридѣ. „28-й (писатель) Паисій Лигаридъ хіосскій, преданный латинству. Онъ написалъ толкованіе божественной литургіи, но въ пользу нововведеній римской церкви. Еще онъ оставилъ послѣ себя въ рукописи, въ 83-хъ тетрадахъ, исторію патріарховъ іерусалимскихъ, которою мы довольно пользовались въ настоящемъ своемъ сочиненіи. Въ ней онъ описалъ патріарховъ, бывшихъ до Ираклія, а о патріархахъ послѣ Ираклія не сказалъ ничего достойнаго вниманія. Третья часть сего сочиненія содержитъ исторію патріарховъ-подвѣжниковъ; двѣ части написаны пре-

4-го мая 1672 года велѣно было, по указу государя, отпустить Паисія съ Москвы въ Палестину чрезъ Кіевъ, при чемъ ему дано было: 300 рублей деньгами, 12 подводъ до Кіева, палатка въ 5 рублей, полубъ казенный, обить кожею, а его людямъ—пяти человѣкамъ, по аглицкому сукну да по киндяку ¹⁾; да емужъ, митрополиту, изъ иконной даво пять образовъ окладныхъ, „а книги, которые онъ, митрополить, писалъ, и на Симоновскомъ подворьи хоромы, и садъ его, и всякое строенье приказалъ (государь) беречь посольскаго приказа переводчику Миколаю Спатарію, а прощальную іерусалимскаго патріарха грамоту изъ посольскаго приказу отдать ему, митрополиту, съ роспискою“. Но въ тотъ же день, указомъ государя, Паисій опять былъ задержанъ въ Москвѣ и отпущенъ былъ въ Палестину чрезъ Кіевъ 13 февраля 1673 года, при чемъ ему на отпускъ всего дано было въ половину противъ прежней дачи, а его хоромы велѣно было занять переводчику Спафарію „и переводить

тивъ восточной церкви, а особенно противъ Фотія и въ защищеніе папской власти. Узнавши объ сей исторіи и находя въ ней тяжкое богохуленіе, Меодій, патріархъ Константинопольскій и Нектарій іерусалимскій, предали ее анаемѣ, а Лигарида, какъ еретика, отлучили“. Хрисанъ, племянникъ Досіея и преемникъ его на іерусалимской патріаршей кафедрѣ, напечатавшій его „Исторію патріарховъ іерусалимскихъ“, по слову приведеннаго нами отзыва Досіея о Лигаридѣ, дѣлаетъ такое любопытное замѣчаніе: „Сей Паисій Лигаридъ, прежде дѣйствительно преданный латинству, пришедши въ царствующую Москву, сдѣлался ревностнымъ сборникомъ восточной церкви. Посему онъ много писалъ на латинскомъ языкѣ противъ лютеро-Кальвинистовъ, былъ противникомъ Никона и, пришедши въ Кіевъ, много училъ тамъ въ чистотѣ православія, и съ пользою, и публично и частно; писалъ пространно на латинскомъ языкѣ о происхожденіи св. Духа отъ единого Отца и противу папской власти. Мы видѣли сіи сочиненія его въ Кіевѣ у боголюбиваго митрополита сего города Варлаама Гіачинскаго. Онъ умеръ въ покаяніи и исповѣданіи и православные россияне въ Кіевѣ вспоминаютъ объ немъ съ любовію и уваженіемъ. А славный господинъ нашъ (т. е. Досіей), зная только прежнюю жизнь сего мужа, а не послѣдующее покаяніе и исправленіе его, и адѣсь, и въ предисловіи къ книгѣ о любви, показываетъ, какъ ревнителямъ православія писать противъ его сочиненій“. (Кн. II, гл. X, пар. 6)

¹⁾ „Да митрополиту жъ дано съ двorca: 4 ведра и 2 кружки ренскаго, да рыбы два прута бѣлужьихъ, да два прута осетрьихъ, связка сухихъ бѣлыхъ рыбиць; людямъ его: пять ведеръ вина, да десять полоть ветчины“.

греческіе и латинскіе книги и писать греческой и словенской и латинской лексиконъ“. Отправляясь изъ Москвы, Паисій писалъ государю благодарственное письмо, въ которомъ заявлялъ, что если его найдутъ достойнымъ для какой нибудь царской службы, то онъ будетъ вѣрно служить, чтобы по силѣ своей заплатить за многоразличное царское милосердіе. Просилъ еще царя утѣшить его на путь, чтобы онъ могъ удобно совершить его въ старости, просилъ и одежду патриаршую, которую много разъ общалъ ему государь, и въ заключеніе снова просить государя поручать ему все, что можетъ послужить на пользу соборной церкви, къ службѣ царской и всей палаты и общается возвратиться по первому царскому повелѣнію. Очевидно, поѣздка Паисія на востокъ, которую онъ самъ считалъ только временною, была предпринята имъ съ цѣлью уладить свои личныя дѣла,—получить себѣ окончательное разрѣшеніе, котораго въ другой разъ ему уже не давали, несмотря на всѣ хлопоты объ этомъ царя. Именно съ цѣлію заручиться расположеніемъ патриарховъ онъ выпрашиваетъ у царя иконы, чтобы поднести ихъ патриархамъ въ подарокъ; съ этою же цѣлію онъ проситъ у государя патриаршее облаченіе и беретъ съ собою присланную ранѣе разрѣшительную грамоту Досноея. Но Паисій, пріѣхавъ въ Кіевъ, измѣнилъ свое намѣреніе ѣхать на востокъ немедленно. Какъ видно, онъ получилъ оттуда неблагопріятныя для себя извѣстія и потому рѣшился остаться въ Кіевѣ. Но когда кіевскіе воеводы донесли государю, что Паисій остался въ Кіевѣ и на востокъ скоро ѣхать не хочетъ, и просили на этотъ счетъ распоряженія государя, то къ воеводамъ послѣдовалъ царскій указъ: безъ особаго царскаго указа никуда не отпускать Лигарида изъ Кіева, „а буде онъ похочетъ къ кому за Днѣпръ, или съ гречаны въ Царьградъ писать какія письма“, тѣхъ писемъ ни подъ какимъ видомъ не отсылать, а слѣдить за нимъ и его перепиской „всякими мѣрами накрѣпко“¹⁾.

Очевидно въ Москвѣ уже не особенно довѣряли политической благонадежности Паисія Лигарида и крѣпкій надзоръ за нимъ и его перепиской считали дѣломъ далеко не лишнимъ, тѣмъ болѣе, что ревностный русскій тайный полити-

¹⁾ Греческія дѣла 7181 г. № 1

чешскій агентъ въ Константинополѣ Панагіотъ, служившій въ Портѣ переводчикомъ, присылалъ сказать государю: „чтобъ не велѣлъ газскаго митрополита съ Москвы отпустить, чтобы не учинилъ въ Царьградѣ и въ иныхъ мѣстахъ какаго дѣла съ простодушія своего“¹⁾.

Проживая въ Кіевѣ Паисій, отъ 8 ноября 1673 года, жалуется государю „на горестное жизни своея состояніе“, извѣщаетъ, что іерусалимскій патріархъ Досиеей разрѣшилъ его, но просить за это подарка, но за подарокъ онъ могъ бы добыть разрѣшеніе и отъ константинопольскаго патріарха; жалуется на кіевскаго архіерея „въ непорядкахъ и взяткахъ обращающагося“, что онъ на одной литургіи ставитъ многихъ священниковъ и дьяконовъ. Письмомъ отъ 15 декабря того же года Паисій благодаритъ государя за совѣтъ опять возвратиться въ Москву, жалуется на кіевскихъ воеводу и митрополита, „не внимающихъ гласу его о учиненіи ему вспоможенія и дачи нужныхъ вещей“, описываетъ невоздержаніе кіевскаго духовенства, просить прибавить ему корму, денегъ и оставить его въ Кіевѣ, гдѣ онъ, пребывая съ благочестивыми мужами, упражняется въ чтеніи и сочиненіи богословскихъ вещей, хотя и не имѣетъ доступа въ бібліотеку академическую. Въ письмѣ отъ 16 іюля 1674 года Паисій жалуется государю на іерусалимскаго патріарха Досиеея, медлящаго прислать ему разрѣшеніе отъ запрещенія (подъ коимъ онъ уже восемь лѣтъ страдаетъ), и единственно потому, что ожидаетъ себѣ отъ Паисія присылки подарковъ; просить государя дозволить ему служить въ Кіево-Софійскомъ соборѣ архіерейски, предсказываетъ, что царь освободитъ отъ турокъ греческій народъ и овладѣетъ Константинополемъ²⁾. Отъ 1-го августа того же года Паисій писалъ къ боярину Артамону Матвѣеву о волошскихъ и мутьянскихъ посланцахъ, ѣхавшихъ въ Москву съ заявленіемъ о подданствѣ Россіи, при чемъ они обратились де въ этомъ важномъ дѣлѣ къ посредству его, Паисія, „потому что въ чужихъ странахъ слышали имя его и что чрезъ него могутъ принести пользу всѣмъ христіанамъ“. Затѣмъ онъ

¹⁾ Греческія дѣла 7180 г. № 25.

²⁾ Реестръ греческимъ грамотамъ — № 137, 1673 г. ноябрь 8 и декабрь 15; 1674 г. іюль 16. (Въ Москов архивѣ мни. иностр. дѣлъ).

просить боярина, вмѣсто милостыни, исходатайствовать ему у государя служить по архіерейски и извѣщаетъ, что денегъ въ Кіевѣ собирають много, а кому и на что, неизвѣстно, и просить учинить розыскъ, куда обращаются доходы митрополита ¹⁾).

21-го августа 1675 года послѣдовалъ указъ государя князю Голицыну, что съ Москвы былъ отпущенъ газскій митрополитъ, и велѣно ему пожить въ Кіевѣ до царскаго указа, теперь же повелѣвается митрополиту ѣхать въ Москву немедленно, „а буде онъ, митрополитъ, изъ Кіева къ Москвѣ ѣхать не похочеть, и вы бы, давъ ему подводы и кормъ и пристава, къ намъ, великому государю, къ Москвѣ изъ Кіева его выслали“. Этотъ строгій указъ о немедленной доставкѣ Паисія въ Москву изъ Кіева, хотя бы и противъ его воли, сильно встревожилъ Паисія. „Не отврати свѣтлѣйшаго лица твоего, писалъ онъ тогда государю, отъ меня, смиреннаго богомольца твоего, яко погибну душою и тѣломъ и больше печалюсь, понеже не знаю вины толикаго возвращенія, да плачу о согрѣшеніи своемъ“. По прибытіи въ Москву онъ не былъ допущенъ къ государю и обратился наконецъ къ боярину Матвѣеву съ письмомъ, въ которомъ заявляетъ, что не знаетъ, къ кому уже и обращаться, истомляясь голодомъ и жаждою, ибо его пересылаютъ изъ приказа въ приказъ, а онъ задолжалъ отъ долгаго пути, и изъ дому его не пускаютъ, а въ домовоѣ церкви не имѣетъ даже церковнослужителей; но ужели при общей заботѣ такого обширнаго царства, не понекутся объ одномъ лишь бѣдномъ архіерей? Не знаетъ онъ, чѣмъ согрѣшилъ и былъ ли когда медленъ въ исполненіи царскихъ повелѣній. Если уже нельзя ему видѣть царя, то да позволено ему будетъ видѣть хотя боярина, ибо молва идетъ, что онъ подпалъ подъ царскій гнѣвъ, чего Боже избави ²⁾).

Очевидно, вліяніе и положеніе Паисія Лигарида при московскомъ дворѣ сильно пошатнулось подъ конецъ царствованія Алексѣя Михайловича. Своею борьбою съ Никономъ, своимъ вмѣшательствомъ въ русскія церковныя дѣла, своими выходками противъ іерусалимскаго патріарха Нектарія и

¹⁾ Греческія дѣла 7183 г. № 4.

²⁾ Греческія дѣла 7184 г. №№ 7 и 8

другихъ, своими доносами московскому правительству о безпорядкахъ и злоупотребленіяхъ въ кievскомъ и свѣтскомъ и духовномъ управленіи, Паисій всюду—въ Москвѣ, Кіевѣ, на востокъ—создалъ себѣ многочисленныхъ враговъ, которые, по его собственному сознанию, всячески старались вредить ему въ мнѣніи государя и настолько успѣли въ этомъ, что Паисій противъ воли былъ привезенъ изъ Кіева въ Москву, гдѣ его содержали подъ арестомъ; не дозволяя ему выйти изъ дому.

Со смертію царя Алексѣя Михайловича положеніе Паисія въ Москвѣ сдѣлалось еще болѣе тяжелымъ, особенно въ виду сильнаго нерасположенія первыхъ годовъ царствованія Θεодора Алексѣевича къ грекамъ вообще. За это время жизни Паисія въ Москвѣ до насъ дошли два латинскихъ письма Паисія отъ 15 февраля 1676 года, писанныя имъ по порученію правительства. Одно письмо къ кардиналу Барберини, а другое къ стриганійскому архіепископу Келефино, коими, изъясняя неудовольствіе русскаго двора по причинѣ несогласія папы дать государю Алексѣю Михайловичу царскій титулъ, совѣтуетъ, дабы они склонились этотъ титулъ дать сыну помянутаго государя, царю Θεодору Алексѣевичу ¹⁾. Это была послѣдняя служба Паисія Лигарида русскому правительству.

Въ томъ же 1676 году Паисій просилъ государя отпустить его въ Палестину и перваго сентября государь указалъ, а бояре приговорили, отпустить Паисія съ людьми его по его обѣщанію въ Палестину въ какія мѣста онъ ѣхать захочетъ, а на отпускъ жалованья не дали, такъ какъ оно было ему дано въ 1674 году, а дали ему только 50 рублей на расплату съ долгами и на кормъ ²⁾. Но Паисій, какъ и прежде, въ Палестину не поѣхалъ, а остался въ Кіевѣ, гдѣ и умеръ и былъ похороненъ въ Братскомъ Кіевскомъ монастырѣ. Кіевскій воевода Михаилъ Андреевичъ Голицынъ 14 сентября 1678 года доносилъ государю, „что въ 186 году (1678 г.), августа 24, Паисія Лигарида въ Кіевѣ не стало, а тѣло его поставлено въ Братскомъ монастырѣ въ склепу, а не погребено“, причемъ воевода прислалъ и роспись остав-

¹⁾ Реестръ греческимъ граматамъ № 137. 1676 г. февр. 15.

²⁾ Греческія дѣла 7185 г. № 1.

шагося послѣ Паисія имущества. Указомъ государя отъ 30 сентября велѣно было тѣло Паисія погребсти въ Братскомъ монастырѣ, а имущество его передать въ тотъ же монастырь на поминъ его души. ¹⁾

Такимъ образомъ, изъ всего сказаннаго о патріархахъ Паисіѣ александрійскомъ и Макаріѣ антиохійскомъ, а также о Паисіѣ Лигаридѣ, получается нѣчто совершенно неожиданное прежде всего по отношенію къ московскому собору 1666—1667 года. На этомъ соборѣ, какъ мы знаемъ, предсѣдательствовали названные восточные патріархи, отъ которыхъ главнымъ образомъ зависѣли всѣ соборныя рѣшенія и постановленія по всѣмъ тогдашнимъ русскимъ церковнымъ дѣламъ и вопросамъ. Далѣе, однимъ изъ главныхъ, самыхъ вліятельныхъ и активныхъ дѣятелей на соборѣ, вліявшихъ не только на московское правительство, но и на самихъ патріарховъ, подписывавшійся подъ соборными постановленіями, участвовавшій вмѣстѣ съ патріархами въ совершении церковныхъ службъ, какъ настоящій архіерей, былъ газскій митрополитъ Паисій Лигаридъ. Но послѣ ознакомленія съ подлинными архивными документами оказывается, какъ мы видѣли, что патріархи Паисій и Макаріѣ, предсѣдательствовавшіе на соборѣ и рѣшавшіе у насъ всѣ дѣла, какъ настоящіе дѣйствительные патріархи, на самомъ дѣлѣ таковыми тогда уже не были, такъ какъ константинопольскій патріархъ съ своимъ соборомъ лишилъ ихъ, за поѣздку въ Москву, патріаршихъ каедръ и, значитъ, находясь въ Москвѣ, они были не дѣйствительными, а лишенными своихъ каедръ патріархами. Что же касается главнаго вдохновителя и руководителя патріарховъ на соборѣ—газскаго митрополита Паисія Лигарида, котораго и самъ царь Алексѣй Михайловичъ слушаетъ „какъ пророка Божія“, то, какъ оказывается, въ дѣйствительности это былъ запрещенный архіерей-авантюристъ, лишенный своимъ патріархомъ каедръ и самаго сана, но съ замѣчательною смѣлостію, благодаря подложнымъ грамотамъ, долго разыгрывавшій въ Москвѣ роль дѣйствительнаго газскаго митрополита, выпрашивавшій у царя значительныя суммы на уплату долговъ своей несуществующей епархіи. Въ одно время,

1) Греческіе статейные списки № 12, лл 1098 и 1107.

опять благодаря подложнымъ грамотамъ, Паисій выдавалъ себя въ Москвѣ за экзарха константинопольскаго патріарха, уполномоченнаго для суда надъ Никономъ и рѣшенія русскихъ церковныхъ дѣлъ, хотя въ дѣйствительности какъ въ Іерусалимѣ, такъ и въ Константинополѣ, его не считали даже православнымъ, а причисляли къ латынникамъ. Съ большимъ трудомъ, только послѣ многихъ хлопотъ и огромныхъ издержекъ царю Алексѣю Михайловичу удалось наконецъ добиться того, что султанъ приказалъ возвратитъ патріархамъ Паисію и Макарію отнятыя было у нихъ патріаршія ихъ кааедры, но всѣ его самыя настойчивыя и многократныя хлопоты добыть разрѣшеніе Паисію Лигариду, возвратитъ ему утраченное достоинство архіерея—газскаго митрополита, кончились полною неудачею и Паисій Лигаридъ такъ и умеръ въ Кіевѣ запрещеннымъ архіереемъ.

Понятно само собою, что всѣ разсказанныя обстоятельства необходимо производили и на наше правительство и на все даже доброжелательное къ тогдашнимъ грекамъ русское общество крайне тяжелое и удручающее впечатлѣніе, невольно оставляли у всѣхъ русскихъ очень замѣтный осадокъ недовольства и самими восточными патріархами, и ученымъ Паисіемъ Лигаридомъ, и всѣми греками вообще, невольно приводили русскихъ къ той мысли, что даже и болѣе выдающіеся по своему положенію, по своему образованію и учености греки, являются однако людьми довольно сомнительными, эгоистичными и всегда своекорыстными, которые только и думаютъ о своихъ личныхъ выгодахъ, интересахъ, наживѣ. Русскіе невольно, изъ характера отношеній къ нимъ являвшихся въ Москву грековъ, дѣлали заключеніе, что вполне довѣряться этимъ грекамъ, полагаться на нихъ, какъ на людей обладающихъ высшимъ развитіемъ и высшею культурою, сравнительно съ русскими, не слѣдуетъ, а слѣдуетъ всегда соблюдать по отношенію къ нимъ большую осторожность и сдержанность. Кромѣ того русскіе не могли не обратить вниманія и на то обстоятельство, что московская дѣятельность самихъ восточныхъ патріарховъ слишкомъ замѣтно имѣла въ виду принизитъ все русское и во всемъ возвыситъ и выдвинутъ на первый планъ современное греческое, какъ высшее и совершеннѣйшее, какъ образецъ для невѣжественныхъ русскихъ, которые

должны признать грековъ своими верховными руководителями, опекунами и учителями, хотя сами греки, какъ хорошо увидали русскіе, въ дѣйствительности вовсе не обладали нужными для такой высокой и отвѣтственной роли нравственными и культурными средствами—за послѣдними они сами обращались на западъ, не имѣя своихъ собственныхъ школъ. Естественно поэтому, что когда русскіе болѣе спокойно и вдумчиво посмотрѣли на все, происшедшее въ послѣднее время въ Москвѣ, при непосредственномъ участіи самихъ восточныхъ патріарховъ, то болѣе чуткіе и проникательные изъ нихъ нашли, что греки никакъ не могутъ быть руководителями и воспитателями русскихъ въ ихъ культурной жизни, что для этого нужно брать другихъ людей, нужно обратиться въ другую сторону—на западъ. Эпоха Никона хотя и была временемъ усиленнаго вліянія тогдашнихъ грековъ на всю нашу особенно цѣрковную жизнь, но въ то же время она послужила и исходною точкою для окончательнаго паденія у насъ греческаго вліянія, могучимъ толчкомъ къ повороту всей нашей культурной жизни въ сторону запада. Эпоха Никона несомнѣнно подготовила у насъ рѣшительнаго западника—государя Петра I-го.

Н. Кантеревъ.
